

ТАК УПЛЫВАЮТ КОРАБЛИ

Никогда не забуду своей первой встречи с Леонидом Чашечниковым! Мне, тогдашней глупышке-девятикласснице, крупно повезло. Мой отец, периодически посещавший различные творческие встречи с писателями, знал в лицо и поимённо всех местных поэтов своего поколения. И однажды на традиционном выступлении литераторов города у памятника Пушкину воскликнул: «Гляди, это – Леонид Чашечников!»

Тогда в память врезалась строка: «А девочки влюбляются в мужчин...» Неужели влюбляются? – прижалась я покрепче к жениху-сверстнику. Оказывается, влюблялись, да ещё как – без оглядки, в порыве самоотдачи, влюблялись в поэта, на целое поколение, вдвое старше себя.

Чашечников был громогласным, читающим широко, в свойственной ему манере раскидывать руки. И девочки влюблялись. В него? В его поэзию? Как теперь узнаешь... Да и как было не влюбиться в такое:

В электричке красивую женщину¹
Ненароком задел я плечом.
Обругала меня деревенщиной,
Сиволапым и кем-то ещё...

Угадали, мадам, – не из города –
За неловкость прощенья прошу.
Только я русокудрую бороду
И дублёнку – недавно ношу.

Что нам, русским, играть в Русь дремучую –
Русь не та и деревня не та.
Но скажу, применительно к случаю,
Дорога мне её доброта.

...Обозвали меня деревенщиной
За неловкость мою впопыхах.
Ладно, стерпим. Красивую женщину
Всё равно не обижу в стихах.

ДИНА НЕМИРОВСКАЯ

Родилась в 1963 году в г. Астрахань. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор поэтических и прозаических книг «Преданная женщина», «Азбука дождя», «Многогочие», «Мне без тебя темно», «Напряжённое равновесие» и других. Лауреат литературных премий имени Клавдии Холодовой, Велимира Хлебникова, Бориса Шаховского, Павла Морозова, Олега Куликова, Михаила Луконина, Василия Тредиаковского, Мусы Джалиля, Павла Бляхина. Основатель литературных студий «Подснежник», «Ранний рассвет», «Лукоморье» и «Лира» для детей и юношества.

¹ «В электричке красивую женщину...»: [стихотворение] // Русская Голгофа: стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 266.

А через год после первой встречи с Леонидом Николаевичем мне, шестнадцатилетней, подфартило ещё больше. Я попала на выездной волгоградский семинар, которым руководили волгоградские поэты Освальд Плебейский и Василий Макеев, а также астраханец Чашечников. За время полутора-суточной поездки в поезде я узнала, что у поэтов отчеств нет, перестала робеть перед собратями по перу, поняла, как отменно дружат в его студии «Высота» при ДК Строителей Борис Свердлов и Павел Морозов, и усвоила, что и мне пора перебираться туда из-под уютного крылышка «Моряны». Да, увы, не пришлось. Через полгода Леонид Чашечников уехал в Москву.

Много здесь мужиков от сохи²,
Из иного земного предела,
Что не пашут, а пишут стихи –
Разве это мужицкое дело?

Словесами платя за уют,
За судьбу изолгаться и спиться –
То ли плачут они, то ль поют
Оттого, что с похмелья не спится.

За какие такие грехи
Унесло от родного порога
Мужиков от креста и сохи,
Позабывших и пашню, и Бога?..

Чуть позже, прочно войдя в круг лит-собратьев, трепетно хранила поэтические сборники Леонида Николаевича, изданные в столичных и Нижне-Волжском книжных издательствах, с пожеланиями в виде автографов счастья в поэзии и в жизни. К его ученикам причислить себя не могу... Но ведь осталось что-то от ночных бесед под колёсный перестук, от совместных выступлений.

В сборнике стихотворений «Журавлинный зов» поэт воскликнул:

...Но я смотрю туда, где без предела,
Где без числа больших и ярких звёзд.

Он и сам умел зажигать звёзды! На небосклоне астраханской поэзии благодаря его мудрому наставничеству зажглось новых звёзд немало. Целое поколение молодых авторов, вступившее на литературное поприще в середине семидесятых годов двадцатого столетия, получало первые уроки литературного мастерства именно от Чашечникова, возглавлявшего в те годы известное литературное объединение «Высота» при Доме культуры Строителей. Оттуда вышли Олег Куликов и Борис Свердлов, Геннадий Пикулев и Павел Морозов, никогда не скрывавшие слов благодарности за помощь в становлении их творческого почерка. Литературная студия при ДК Строителей была возглавлена Леонидом Чашечниковым после внезапной смерти её бывшего руководителя, поэтессы Клавдии Холодовой, в 1976 году.

Памяти старшего друга и наставника посвятил эти стихи Павел Морозов:

Много было родин у поэта!..
И Сибирь, и Волга, и Москва,
Но для каждой находил при этом
Самые заветные слова.

Было много у поэта родин!..
Он менял их лихо, без труда,
Потому казался сумасбродом
Тот поэт, менявший города.

Родин у поэта было много!..
Может быть, он чувствовал душой,
Что ведёт его от них дорога
К ощущенью Родины большой?

У поэта родин много было!..
Милых, малых, как ни назови:
Слышал я, опять его прибило
К испытанью в искренней любви.

(«Леониду Чашечникову»)

Леонид Николаевич Чашечников родился в 1933 году в Международный женский день в деревне Воскресенке Кукарского сельского совета в Сибири, в Се-

¹ «Московские поэты»: [стихотворение] // Русская Голгофа: стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 92.

дельниковском районе Омской области. По поводу даты своего рождения поэт шутил, что от Восьмого марта в его душу пролилась особая нежность к женскому полу:

Я был любимым лучшими из женщин,
Но, Господом с поэзией обвенчан,
Остался одиноким навсегда.

В военные и послевоенные годы Чашечников обучался в Кукарской семилетней школе, а затем – на художественно-оформительском отделении в культпросветшколе в Таре, был прекрасным чтецом. Трудные годы детства, суровая природа родного края, непростая жизнь скотоводов и землепашцев таёжного Прииртышья занимают постоянное и важное место в творчестве поэта.

Чашечников работал в сельских клубах Тарского, Колосовского и родного ему Сельниковского районов, в тарской районной газете, где и опубликовал первые стихи. В Омске работал слесарем на заводе имени Баранова, трудился на освоении целинных земель, на стройках, оборонном заводе, был шахтёром, библиотекарем, заведовал сельским клубом и без малого два десятилетия отдал журналистике.

Творческая биография поэта началась в тарской районной газете «Ленинский путь», где он опубликовал свои первые стихи, затем сотрудничал с омской многотиражной газетой «Сельский строитель», а в последующие годы работал в газетах «Советская Россия» и «Сельская жизнь».

В самой знаменитой песне Чашечникова, созданной в соавторстве с известным сибирским композитором Борисом Ярковым, «Омские вечера», звучит такая строчка: «Хороши, говорят, вечера в Подмосковье, только в Омске не хуже они...» Вот уже долгие десятилетия «Омские вечера», пусть пока и неофициально, считаются гимном города Омска. Омичам поэт Чашечников оставил нестареющую песню: «Я люблю

этот город, мой город зелёный у могучей реки Иртыша».

У меня две реки¹,
как две верных руки:
справа – гордый Иртыш,
слева – вольная Волга.
У меня по России –
езде земляки,
и причалы везде
на пути моём долгом.

На яру постою –
Ермака воспою,
на песчаной косе –
возвеличу Степана.
У меня две реки,
как две сильных руки,
караваны ведут,
кораблей караваны.

Справа – глубь-глубина,
слева – голубь-волна.
правой сила дана,
левой – нежность и ласка.
И на все времена
лишь Россия одна –
лебедь-песня моя,
моя вечная сказка!

Тем, «кто любит творчество известного омского поэта Леонида Николаевича Чашечникова», посвящена страница его памяти «Певец печали» в популярной социальной сети «ВКонтакте». Тем не менее хочется возразить – не только омского! Ведь и об Астрахани им также сложено немало прекрасных стихов:

Шёл по дорогам я,
бродил по тропам²,
Сгорал в июле,
мёрзнул в январе –
Пока на стыке Азии с Европой
Явился белый город на заре.
Он колыхался, как мираж в пустыне,

¹ «Лебедь-песня»: [стихотворение] // Русская Голгофа: стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 55.

² «Астрахань»: [стихотворение] // Журавлиный зов: стихи. Волгоград, 1979. С. 32–33.

Он отражался в маковках кремля,
Он расплзался красками густыми
В развалах за кормою корабля.
Над пристанями чайки голосили,
Тянуло с Волги волглою пенькой...
Старинный город
на краю России,
Такой, как все –
и всё же не такой!
Двадцатый век и здесь взметнул над водью
Громады из бетона и стекла,
Но в тихих улочках живёт сегодня
Та Астрахань,
которая – была.
Она застыла в каменных фасадах,
В смешенье стилей русских и татар,
Она торгует на Больших Исадах,
Сбывая свой немислимый товар.
И продавцы – немислимые сами –
С немисливых приехали сторон:
Кавказцы с чёрно-синими усами,
Мордовки с расторопностью ворон.
Гудит, бурлит Семнадцатая пристань –
Туристы изнывают от жары.
И страшно возмущаются туристы,
Что нет в продаже воблы и икры.
А на базаре бабы языкасты:
коль спрашиваешь – слушай, рад не рад.
Толкуют,
что мелеет Волго-Каспий,
Что рыбу, мол, изводит Волгоград.
Что виновата будто бы плотина
(А, может, вовсе не в плотине суть),
Что сами ждём с путины до путины,
А на продажу – нет,
не обессудь...
Ну что с них взять, с базарных тараторок!
Мне Астрахань не слухами мила –
Стоит в низовье Волги белый город,
С которым жизнь навек меня свела.
Я начал уставать от долгих странствий.
Сибиряка по нраву и крови,
Зачисли меня, город, в астраханцы
За робкое признание в любви!

Зрелые годы Чашечников провёл именно в нашем городе, откуда он в 1979 году по направлению областной писательской организации поехал в столицу для учёбы на Высших литературных курсах при Союзе писателей. Окончив их уже на пятом десятке, поэт довольно часто публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Наш современник», газетах «Литературная Россия» и «Советская Россия», а также во многих других центральных изданиях.

За окнами метель, и дни идут на убыль¹,
А в комнате у нас уютно и тепло.
Но мечутся слова и ищут пятый угол,
И бьются головой в промёрзшее стекло.
Почти что каждый день –
спектакль или экзамен,
Где я всегда неправ, а ты во всём права.
Но истина давно доказана не нами –
Где властвует любовь –
безмолвствуют слова.

Я больше не могу. Я распахну покои
И выпущу слова. И сам шагну в пургу.
Пуускай поговорят про долг и всё такое.
Я больше не могу! Я у любви в долгу.

Поэт и публицист, член Союза писателей России, автор десяти стихотворных книг, Леонид Николаевич Чашечников по праву признан астраханцем, нашим земляком:

Гляжу всё чаще и подолгу²,
Как уплывают корабли,
Как облетают листья в Волгу
И плачут чайки на мели.
В тиши печального предзимья
Пронзает сердце чаек крик.
У пристанского магазина
Какой-то спившийся старик
На опохмелку мелочь просит,
Нетвёрдо стоя на ногах.
Бредёт по понизовью осень
В рыбацких грязных сапогах.

¹ «За окнами метель, и дни идут на убыль...» : [стихотворение] // Русская Голгофа : стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 136.

² «Предзимье» : [стихотворение] // Цветы и тернии любви : сборник избранной лирики. Москва, 2013. С. 78–79.

А мне и стыдно, и не стыдно,
Что по щеке ползёт слеза.
А мне обидно, мне обидно,
Что время выело глаза,
Что различаю всё невнятной
Прохожих, чаек, корабли...
Зато отчётливей, понятней
Всё то, что в прошлом и вдали.
Я понимаю, понимаю,
Я принимаю эту грусть:
Предзимний сам, я обнимаю
Предзимьем тронутую Русь.
А старый боцман, сын собачий,
Навзрыд запел о ямщике...
Ну что ты, что ты – я не плачу;
То капля Волги на щеке.

Как и его собратья по перу – Николай Ваганов, Геннадий Колесников и Клавдия Холодова, он вошёл в славную когорту поэтов-«шестидесятников», прославивших нашу Астрахань на редкость талантливыми произведениями, среди которых немало поэтических шедевров:

Я люблю окошки деревенские¹
И старух, сидящих у окна.
Я люблю произносить и женские,
Словно Русь, простые имена:
Домна, Пелагея, Серафима...
С детства их запомнил наизусть.
Я иду, и проплывает мимо
Мудрая, несуетная Русь.
Русь с её надеждой и печалью,
Памятью, впечатанной давно,
Русь, которую ещё встречаю
В деревнях и, изредка, в кино.
Матери, печальницы Державы! –
Будет Русь по-прежнему статна.
За Любовь и Веру уважаю
Я старух, сидящих у окна.

Поровну поделённая любовь между
величавой Сибирью, красавицей Волгой

и живописным Подмосковьем занимала
основное место в лирике и многочисленных
статьях поэта:

Подолгу я не отрываю глаз²
От облачка, от пашни, от берёзы.
И отчего-то закипают слёзы,
Как будто вижу мир в последний раз.
Как скрипку, слушаю осины скрип,
Испытываю чудное блаженство
От пенья птиц.
И даже белый гриб
Прекрасен простотой и совершенством.
Сбивая прошлогоднюю кугу,
Бреду в закат берёзовой опушкой.
И лишь кукушку слушать не могу –
Всё меньше лет считает мне кукушка.
Прекрасен предвечерний окоём:
Берёзы в сумерках горят, как свечи.
И оттого грущу по-человечьи,
Что вечен мир, а мы – не гости в нём.

Неизменно по весне Чашечников при-
езжал в ставшие для него когда-то родными
Волгоград и Астрахань, гостил у родствен-
ников и старых друзей, с удовольствием вы-
ступал со своими стихами на предприятиях,
в институтах и школах, где пользовался за-
служенным успехом.

В 1975 году Леонид Николаевич был в
Воскресенске и Кукарке, но очень недолго,
и никого из своих школьных товарищей не
встретил. Вновь посетить родные места он
надеялся в ближайшее время, как и побы-
вать в милой его сердцу Астрахани. Одна-
ко не все чаяния поэта при земной жизни
оправдались...

Отцветает душа, как июльские травы³.
Сорок лет –
словно сорок дорожных столбов.
Повороты налево,
развилки направо,

¹ «Деревенские окна» : [стихотворение] // Русская Голгофа : стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 231.

² «Подолгу я не отрываю глаз...» : [стихотворение] // Цветы и тернии любви : сборник избранной лирики. Москва, 2013. С. 110.

³ «Отцветает душа, как июльские травы...» : [стихотворение] // Журавлиный зов : стихи. Волгоград, 1979. С. 53.

На двадцатой версте остановка –
Любовь.
На двадцатой версте
возле речки Васюшки
Укрывали меня краснотала кусты...
В твои чёрные косы
вплетали подружки
Васильки да ромашки,
да кашки цветы.
На цветах не гадал –
точно знал, что не любит,
Безответно страдал
да стихата кропал,
За спиною шушукались добрые люди,
Мол, пропал гармонист...
Я и вправду пропал.
Сколько брёл – не обрёл ни семьи, ни покоя,
Гладил чёрные косы –
да всё не твои.
Над рекой Иртышом
и над Волгой-рекою
Пели мне о любви не мои соловьи.
Сердце нежно хранит ту любовь без ответа.
Это чувство в крови –
хоть отравой травы!
...На земле очень мало счастливых поэтов,
Оттого-то так много стихов о любви.

Леонид Николаевич Чашечников был по духу молодым, находчивым, остроумным человеком. Его поэзия искренна, мудра и предельно автобиографична, что придаёт ей особую силу и притягательность. Творчество поэта многолико и многогранно, отражает богатый внутренний мир художника, проникнуто горячей любовью к Родине, к простым людям, к родной природе. Обращаясь к истории России или оценивая её сегодняшний день, поэт сумел выразить свою гражданскую позицию, твёрдую веру в возрождение своей страны и её духовных сил.

Многие его стихи стали песнями. Это – «Краски осени», «Лебедь-песня», «Россия, женщина, берёза».

Принимаю, словно неизбежность¹,
Пепел лет, осевший на виски.
Всю мою любовь к тебе и нежность
Выпили поволжские пески.
Лгать не надо: стали между нами
Годы, люди, вёрсты и вражда.
Всё прошло.
Осталась только память.
Память, к сожаленью, навсегда.

Перу Чашечникова принадлежит немало мудрых афористичных строк:

Не путай с пустоцветом красоту,
Осу с пчелой, смотри, не перепутай!
Когда весна, когда ты сам в цвету,
Легко всю жизнь перечеркнуть минутой.

Автор поэтических сборников «Я боюсь тишины...», «Россия, женщина, берёза...», «Я вновь про это...», «Журавлиный зов», «Сроки», «Лебедь-песня», «На круги своя», «Время жатвы», «Краски осени», «Русская Голгофа», большой русский поэт Леонид Николаевич Чашечников скончался 17 декабря 1999 года на шестьдесят седьмом году жизни и был погребён в селе Семёновка Сергиево-Посадского района Подмосковья, где он проживал в последние годы.

Небольшая подмосковная деревня – четыре пятиэтажных дома на месте бывшего колхоза и несколько десятков добротных изб – стала последним пристанищем поэта.

Незадолго до кончины он звонил в астраханскую писательскую организацию «из-за пределов кольцевой дороги», по его выражению, и сообщил о выходе собственной книги избранных произведений, над которой долго работал. Леониду Николаевичу удалось осуществить главную мечту своей творческой жизни. С помощью спонсоров выпустил он в столичном издательстве свою самую солидную книгу – «Русская Голгофа», в которую вошло двести пятьдесят стихотворений и две поэмы,

¹ «Принимаю, словно неизбежность...»: [стихотворение] // Краски осени : стихотворения и поэма. Москва, 1985. С. 63–64.

полные тревог за Россию и надежд на её
возрождение:

Старуха умерла под вечер¹
Легко и просто, как жила.
Тащила чугунок из печи –
Ухват из рук – и отошла.
Старуху в среду схоронили,
Пришло на тризну полсела.
А всё не верилось Даниле,
Что Василиса умерла.
Ему мерещилось в потёмках:
То скрип ступенек на крыльце,
То в коленкоровой кофтьёнке
С улыбкой счастья на лице
Она лежит на свежем сене,
Коса, до пояса, жгутом –
И поцелуй, и дрожь в коленях,
И всё такое, что потом.
О, этот мир любви и боли
И мудрость мира – старики!
От недопаханного поля,
От недописанной строки
Они уходят понемногу
Туда, где нет добра и зла,
Оставив нам свои тревоги,
Свои заботы и дела.
И никуда от них не деться.
Но как прожить, чтоб, уходя,
Оставить от себя в наследство,
Как шум весеннего дождя,
Как шелест листьев на осине,
Как запах хлеба на току –
И о любви, и о России
Одну бессмертную строку?..

Незадолго до смерти, представляя читателям свою новую книгу, оказавшуюся последним прижизненным изданием, наш земляк писал в предисловии: «В силу различных причин – и в первую очередь потому, что большинство книг вышло в провинции, имя моё недостаточно известно широкому читателю. Нет смысла оправдываться и набивать себе цену – это лукаво и бесполезно: судить-то об этой книге все равно Вам,

читателям! Скажу только, что тут я весь – со своими слабостями и достоинствами, со своим сложившимся мировоззрением. А поэтому не нужно искать в моих стихах каких-то партийных или идеологических пристрастий. Я был и остаюсь свободным православным русским человеком – и этим сказано всё!»

А ещё раньше известный поэт и критик Владимир Туркин в вестнике омского землячества в Москве «Земляки» в декабре 2005 года охарактеризовал творчество поэта так:

«Леонид Чашечников – поэт эмоциональной силы, поэт своего видения, своего отношения к жизни, своего понимания этой жизни. Он знает, что утверждать, и утверждает по убеждению. Он не всё знает о жизни и потому способен сомневаться, мучиться, искать, верить, разочаровываться, но за всем этим надёжная нравственная и гражданская основа и, главное, страсть, порыв, небезразличие.

Стихи Леонида Чашечникова вошли в орбиту моего внимания случайно... Скажу определённо: стихи, сам поэт мне понравились, что называется, прищипали по душе. Большинство стихов написаны им на оголённом нерве чувства, взволнованно от настоящности его отношения к жизни, к поэзии.

Считаю необходимым в связи с оценкой творчества Л. Чашечникова сказать вот о чём: мы вроде бы закрываем глаза на неприглядный климат, сложившийся в поэтической критике, а именно: всё чаще и чаще наша критика творит поэтических богов из урбанистики – эклектичных, “модерновых”, порой фрондирующих, “усложнённых” творцов, часто с весьма громкими именами, подчёркнуто сдвигая с редакционных столов творчество поэтов так называемого простого звучания. Всё чаще раздаются издевательские ухмылки по поводу “корневой” поэзии и самих поэтов.

¹ «Старики уходят»: [стихотворение] // Русская Голгофа: стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 58.

Критические “каблуки” вдавливают в землю привязанность поэтов к народу, к родине. В поэтов таких поплёвывают словечками “русопятство” и прочими непристойностями. И вот на этом фоне – а я против крайностей – с одной стороны процветает бескорневая пустая бравада словом, а с другой стороны, поэты, действительно болеющие проблемами земли, народа, русской деревни, русского языка, оказываются в некоей опале, в позиции просительства и оправдательства. Не замечать этого – значит лицемерить.

Разумеется, всё сказанное должно соизмеряться с понятием и уровнем таланта конкретно каждого поэта, дабы не было поэтической спекуляции на святом. Так вот, я утверждаю, что Леонид Чашечников – поэт талантливый, истинный и отношение к нему должно быть серьёзным, внимательным, поддерживающим...

Почти всё, что мною прочитано, вызвало у меня сопереживание и чувство открытия для себя нового поэта, глубинного и страстного по своей сути. Его стихи надо читать и перечитывать вдумчиво, несуетно, и вы найдёте множество строк и стихотворений, которые поэт адресовал именно вам! Такова магия слов истинного таланта, поэта, как говорится, от Бога».

Били в душу, душу выбить силась...

Н. Асеев

Повелось издревле по России¹:
Поделом, порой не за дела,
Били в душу, душу выбить силась,
А она, сердечная, жила!
А она, бывало, каменела,
Мрамором венчая скорбный прах.
Но, воскреснув, снова пламенела
На суровых северных ветрах.
Мучаясь, страдая, кровоточа,
Не сподобясь в рай на небеси,
Шла она, от голодухи корчась,
Сирюю вдовою по Руси.

По годам шагала, по эпохам,
И в какой-то из обычных дней
Становилось вдруг в России плохо
Всем, кто плохо думает о ней.
Но сгорало зло, перекипало,
Подобрев – вот тем и хороша! –
Вновь любила, пела, тосковала
Щедрая славянская душа!

...Книга «Русская Голгофа» так и осталась в моей личной библиотеке без автографа вовсе не по причине междусобойных ссор или окололитературных интриг. Без автографа она осталась потому, что, покуда ехала на перекладных из подмосковного Сергиева Посада до полынной Астрахани, не стало в живых её автора.

...В тот недоброй памяти декабрьский промозглый день 1999 года я вела протокол собрания областной писательской организации. Тогда раздался резкий телефонный звонок, и наш председатель вмиг осевшим голосом сообщил, что из Володаровки пришло печальное известие: Лёни не стало. Именно так мы только и называли Чашечникова между собой, невзирая на разницу в возрасте в поколение. Не столь уж часто собирались мы все вместе, и если уж совместно восприняли эту горестную весть, значит, Чашечников остался по духу нашим, астраханским, своим, нестоличным.

Земли ядрёный запах².
Апрельская теплынь.
Встаёт на мягких лапах
Белёлая полынь.
Она ещё нестойка,
Ещё нежна пока,
Она ещё не столько
Горюча и горька.
Люблю полынь не меньше,
Чем на лугах цветы –
Судьбу российских женщин
Напоминаешь ты.

¹ «О славянской душе»: [стихотворение] // Русская Голгофа: Стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 27.

² «Полынь»: [стихотворение] // Русская Голгофа: стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 58.

Тех, кто красой не очень,
Стояли в зной и стынь
Вдоль трактов у обочин
Упрямо, как полынь.
Смотрели на макушки,
Забритые «под ноль»,
Скрывая в светлых душах
Чернее тучи боль.
А мы – всё уходили,
Потупив в землю взор:
Кто – в небыли,
кто – в были,
Кто – в славу,
кто – в позор...

Последняя прижизненная книга (уже вышла и ещё будут изданы новые книги этого самобытного автора) Леонида Чашечникова содержит и стихотворения, и венки сонетов, и поэмы. Название «Русская Голгофа» выбрано поэтом не случайно. Настоящие поэты идут к своей Голгофе всю жизнь, а Чашечников всегда жил не слишком уютно, если из-под его пера рождались такие строки:

У жизни, у судьбы прошу долготерпенья¹ –
Не почестей прошу, не злата-серебра.
Чтоб рано на заре, заслышав птичье пенье,
И самому запеть во здравие добра.

Чтоб, выйдя за порог, почуять дуновенье
Пропахшего росой степного ветерка.
Не почестей прошу, а только вдохновенья –
Чтоб клеилась любовь и ладилась строка.

«Русская Голгофа» – это мудрая книга много страдавшего человека. Сегодня мы воспринимаем её как поэтическое завещание Леонида Николаевича Чашечникова.

О том, какую ценой была издана эта книга, рассказал на портале «Без формата» в статье «Все боли мира сходятся на мне...» Михаил Сильванович, составитель сборника избранной лирики Леонида Чашечникова «Цветы и тернии любви», изданного

в Москве к восьмидесятилетию со дня рождения поэта в 2013 году:

«Это десятая по счёту книга. Самая солидная: двести пятьдесят стихотворений и две поэмы. У членов Союза писателей России в советские времена была правильная традиция – давали возможность в честь больших юбилеев как бы отчитаться перед читателями солидной книгой. Шестьдесят лет Чашечникову исполнилось в 93-м. Он жил тогда в Балашихе, собрал стихов на два тома и ещё продолжал интенсивно работать. Но тот, советский СП с его традициями, с держателем богатств, литфондом, вдруг развалился...»

Поведал Сильванович и о погребении большого русского поэта, и о том, в каком состоянии находится место, где Леонид Николаевич обрёл вечный покой, сегодня...

«...Стараниями одного из друзей Чашечникова, сергиевопосадского поэта Николая Братишко, на кладбище в селе Рогачёво поставлен камень с портретом и надписью. Мы с Николаем бываем здесь по два-три раза в год. Зимой топчем от проезжей дороги снежную тропу, летом рвём траву, оставляя на могиле лишь кустик папоротника и цветы, осенью слушаем тишину и шорох опадающих с клёна листьев. Клён, соревнуясь с вязами, вытянулся на небывалую высоту. Прошлой осенью Коля сказал, что здесь не хватает рябины. Я согласился: да, не хватает. Эту мысль нам напомнили его стихи. «Клён сгорел, рябина догорает». Замолкаем: у Чашечникова последняя строка этого стихотворения пророческая, произносить её не хочется: «Впереди и Родине гореть». Когда были написаны эти строки? В книгах они датой не помечены».

...А написаны эти строки были в 1991 году:

Клён сгорел. Рябина догорает².
Бред тумана тянется с реки.

¹ «У жизни, у судьбы прошу долготерпенья...»: [стихотворение] // Русская Голгофа : стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 138.

² «Клён сгорел. Рябина догорает...»: [стихотворение] // Русская Голгофа : стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 166.

Я ль не нарекал Россию раем,
Оглушённый яростью строки.

Я ль не пел великую Державу
И её бестрепетную рать –
Не за право жить, а лишь по праву
На миру достойно умирать?!

Тишина предзимняя над краем.
Видится сквозь мертвенную мреть:
Клён сгорел. Рябина догорает.
Впереди – и Родине гореть...

В 2002 году Администрация Володарского района утвердила литературную премию имени Леонида Чашечникова, которая вручается каждый год за литературно-художественные произведения, созданные в традициях российской духовности и пропагандирующие гуманизм, нравственность, дружбу между народами и любовь к Родине. Эта литературная премия приурочена ко дню рождения поэта. Учредителями премии выступают Администрация Володарского района и правление Астраханского отделения Союза писателей России.

Не только в Астрахани, ставшей для Чашечникова истинно родной, помнят и ценят поэта. С 28 февраля по 9 марта 2013 г. в Таре состоялись Первые региональные литературные чтения имени Леонида Чашечникова. Чтения эти были организованы в рамках возрождённого литературного фестиваля «Омская зима». В цикл мероприятий, подготовленных к юбилею поэта на его малой родине, вошли конкурс песни, конкурс чтецов, конкурс эссе и методических разработок уроков, конкурс иллюстраций к произведениям Леонида Чашечникова. Финансовую поддержку конкурсной программе оказал благотворительный фонд имени М. А. Ульянова «Сибирская глубинка».

В день 80-летия Леонида Чашечникова на чтения в Тару приехали пятьдесят участников фестиваля. Среди гостей были ведущие литераторы России, редакторы, культурологи из Белоруссии, Украины, Дагестана, Казахстана. Почтили Тару своим вниманием заслуженная артистка РФ Людмила Мальцева

и народный артист России Юрий Назаров. Гости побывали на открытии литературного музея в библиотеке, познакомились с экспозицией под названием «Щемящей памятью живой», посвящённой Леониду Николаевичу, посетили выставку иллюстраций к произведениям поэта в Тарском художественном музее. Итогом мероприятия стал литературный вечер «Я к тихой родине приду», который состоялся в Омском государственном Северном драматическом театре имени М. А. Ульянова. На вечере говорили о жизни и творчестве Леонида Чашечникова, собравшиеся читали свои стихотворения, делились впечатлениями о гостеприимной земле Тарского Прииртышья.

23 марта 2013 года состоялся поэтический вечер «Неважно, как живут поэты, была б поэзия жива...», посвящённый восьмидесятилетию со дня рождения поэта Леонида Чашечникова, и в центральной городской библиотеке имени А. С. Горловского в городе Сергиев Посад.

Последние годы, после того, как переехал в Сергиево-Посадский район, Леонид Николаевич активно встречался с жителями Сергиева Посада и других городов района, проводил множество поэтических вечеров, отличительной чертой которых были артистичность и искромётность автора. На одном из вечеров, посвящённом итогам конкурса «Посадская лира – 98», он сказал: «Я утверждаю, что не менее пяти-шести человек из сергиевопосадских поэтов достойны быть принятыми в Союз писателей».

Через семь месяцев, в мае 1999 года, в библиотеке состоялась выездная сессия правления Союза писателей России, на которой шесть человек из четырнадцати, представивших рукописи и книжки, были приняты в Союз писателей. Так что можно смело утверждать, что не только талантливым астраханцам Леонид Николаевич Чашечников дал путёвку в большую литературу.

«Вот уже более тридцати лет знаю венок сонетов наизусть и часто твержу его про себя как молитву – и она помогает, помогает жить. Спасибо тебе, Поэт, вечная Тебе память!»;

«Ищу венки сонетов Леонида Николаевича, пока безрезультатно... Кто знает, где можно ознакомиться, – помогите», – когда на просторах интернета встречаю такие просьбы, помогаю охотно и искренне.

...Чудом в круговороте бесчисленных переездов сохранилась у меня рецензия Леонида Николаевича на стихотворную рукопись «Рифы и рифмы», сданную мною в писательскую организацию в 1983 году, да так и не изданную. Ну да Бог с этим, главное – это то, что сказал обо мне, тогдашней студентке-литфаковке, Чашечников: «Мне давно хотелось познакомиться с творчеством Дины Немировской, которая обратила на себя внимание ещё будучи школьницей, на одном из творческих семинаров в Волгограде несколько лет назад. Скажу сразу, что то первое впечатление о несомненной одарённости автора осталось и после прочтения данной рукописи. Я верю, что к Немировской очень скоро придут сами собой и вкус, и строгость к себе и к своему творчеству вместе с накоплением нравственного опыта. Это чувствуется по лучшим её стихам. Думается мне, что это случится с приходом настоящей взрослой самостоятельности, которая неизбежно приведёт за собой и настоящие страдания, и раздумья – глубокие и умные, и терпкое ощущение жизни».

Леонид Николаевич Чашечников учил меня, тогда двадцатилетнюю, тридцать лет назад тому, что жизненный выбор у меня должен быть, безусловно, один: жить всерьёз, всерьёз страдать, познавая этот мир через настоящую боль, через настоящую любовь, через ушибы, обиды и радости. Только так! Если судьба лишит всего этого – поэт не состоится. Поэзия и мещанское благополучие несовместимы. Последнее ожиряет душу и телеса и сушит талант.

Многие слова напутствия Леонида Николаевича Чашечникова, верю искренне, в моей творческой судьбе – сбылись.

Его стихи не ушли вместе с ним, он остался живым в своих стихах и в пробуждённой ими памяти:

Сознаюсь, самолюбию назло¹,
Что мне в любви чертовски не везло.
Ну, не везло – и всё тут. Что за диво?
С поэтами такое дело сплошь.
Пока научишься писать правдиво,
Десятки раз изранишься о ложь.
Но знаете, в чём их земное счастье?
Пройдя сквозь ад измен и суеты,
Они не делят душ своих на части
И до конца младенчески чисты.
И о любви, о совершенстве женщин
Слагают оды до седых волос...
Поэтов было бы намного меньше,
Когда бы у поэтов всё сбылось.

¹ «Сознаюсь, самолюбию назло...»: [стихотворение] // Русская Голгофа : стихотворения и поэмы. Сергиев Посад, 1999. С. 209.